

3. «Bespravnye zhenshhiny» / «Turgajskaja gazeta», 1895 g. №3 // Alektorov A.E. Ukazatel' knig, zhurnalov, gazetnyh statej i zametok o kirgizah. – K.: Tipolitografija imperatorskogo universiteta, 1900. – S. 85.
4. Valihanov Ch.Ch. Izbrannye proizvedenija/ [Redkol.: A.H. Margulan (otv. red.) i dr. pred. A.H. Margulana]; AN KazSSSR, In-t istorii, arheologii i jetnografii im. Ch.Ch. Valihanova. /Ch.Ch. Valihanov. - M.: Nauka, 1986.
5. Dosmaeva L.E. Muzhskie tradicii kazahov sela Zaton Kamyzjakskogo rajona//Tradicii zhivaja nit' (sbornik materialov po jetnografii Astrahanskogo kraja). Vypusk 13 / Otv. red. A.V. Syzranov, A.R. Usmanova/ L.E. Dosmaeva - A.:OMUNK, 2007. – S. 15-16.
6. Kazahskie pover'ja [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa – <http://www.arba.ru,svobodnyj>. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
7. Kisljakov N.A. Oчерки po istorii sem'i i braka u narodov Srednej Azii i Kazahstana / N.A. Kisljakov. – L.: Nauka, 1969.
8. Makoveckij P.E. Materialy dlja izuchenija juridicheskikh obyчаev kirgizov. Vypusk I. Material'noe pravo / P. E. Makoveckij – O.: Tipografija Okružhnogo shtata, 1886.
9. Malyshev N. Obyчnoe semejnoe pravo kirgizov / N. Malyshev – Ja.: Tipografija gubernskogo pravlenija, 1902.
10. Sem'ja kaspijskikh narodov. Kazahi: sbornik informacionno-metodicheskikh materialov / E.E. Rjabceva, K.A. Kuzina, V.V. Serkin. – Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2009
11. Haruzin A. Kirgizy Bukeevskoj Ordy (Antropologo – jetnologicheskij oчерk). Vypusk I/ A. Haruzin – M.: Tipografija A. Levenson i KO , 1889.
12. Jakushenkov S.N., Jakushenkova O.S. Amerikanskij frontir i rossijskie analogii v Povolzh'e i na Nizhnej Volge / S.N. Jakushenkov, O.S. Jakushenkova // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura» - S. 109-114.

ТРАНСГРЕССИЯ КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ФРОНТИРНОЙ ГЕТЕРОТОПИИ¹

Якушenkova Олеся Сергеевна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Jestershadow@mail.ru

Статья посвящена различным проявлениям трансгрессии и ее особенностям на гетеротопных пространствах фронта. Данный термин является достаточно популярным и особенно часто его можно встретить в работах М. Бланшо, Ж. Дерриды, Ж. Батая, П. Клоссовски, М. Фуко и др. Однако вышеперечисленные авторы зачастую придают ему коннотацию, связанную с вопросами религиозности и сексуальности. По мнению авторов статьи это явление не ограничивается лишь этими аспектами человеческой жизни, и более того, трансгрессия является неотъемлемой частью существования в гетеротопных пространствах, и в особенности, на фронтире.

Ключевые слова: гетеротопия, фронтир, трансгрессия, постколониальная теория, Фуко, Чужой, варвары

TRANSGRESSION AS A MODE OF EXISTENCE IN THE FRONTIER HETEROTOPIA

Yakushenkova Olesya S., Post-graduate student

Astrakhan State University
20a Tatischev st., 414056, Astrakhan, Russian Federation
E-mail: Jestershadow@mail.ru

¹ Статья выполнена по проекту ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» («2012-1.1-12-000-3003-056» «Культурная память и культурное наследие фронта»).

The article is devoted to different forms of transgression and its characteristics on heterotopic spaces of frontier. This term is very popular and it can be found in the works of M. Blanchot, Derrida, G. Bataille, P. Klossowski, M. Foucault, etc. However, these authors often give it a connotation associated with the issues of religion and sexuality. According to the authors of this article, this phenomenon is not limited to these aspects of human life, and what's more, transgression is an integral part of being in the heterotopic spaces and, in particular, on the frontier.

Keywords: heterotopia, Frontier, transgression, postcolonial theory, Foucault, Other, barbarians

Когда в 1519 г. конкистадоры под предводительством Кортеса начали завоевание Мексики, на полуострове Юкатан они неожиданно повстречались со своим соотечественником – Гонсало Герреро. В 1511 году он потерпел кораблекрушение и вместе с будущим переводчиком Кортеса Херонимо Агилларом и еще 14 товарищами спасся на Юкатане. Часть испанцев была принесена в жертву, часть стала рабами. Герреро удалось бежать, и выучив язык и женившись на знатной женщине, к моменту встречи с конкистадорами он стал военным вождем. Агиллар же был выкуплен Кортесом и превратился в его основного помощника в контактах с местным населением. Встретившиеся вновь в 1519 году бывшие товарищи по несчастью стояли уже на «разных концах баррикад». Предложение Кортеса присоединиться к конкистадорам, Герреро отверг, ответив Херонимо: «Брат мой, я женат и у меня здесь трое детей, я военный вождь, лицо мое покрыто татуировками, а уши проколоты; как отнесутся ко мне испанцы, когда увидят меня в таком виде? Иди с Богом, я уже видел братьев моих по вере столь «хороших», [1, 74] и жизнь вашу помню по годам моим детским, и братья мои выслали меня». Индейская же жена Гонсало высказалась еще более категорично: "Как мог этот раб прийти и позвать уйти моего мужа; пусть уходит и не пытается вести такие разговоры." Предпочтя остаться с женой и детьми, Герреро был вынужден сражаться со своими бывшими соотечественниками и погиб в борьбе против европейских завоевателей.

История Гонсало Герреро как нельзя является замечательной иллюстрацией к такому явлению, как трансгрессия. Этот термин уже давно стал весьма популярным в различных философских дискурсах, и особенно часто его связывают с проблематикой религиозности и сексуальности. Однако, на наш взгляд, он также очень хорошо иллюстрирует отдельные поведенческие паттерны в условиях гетеротопных пространств, в том числе и фронта.

Термин «фронтир» впервые был использован для обозначения огромной территории в центре Северной Америки, где происходила активная колонизация новых земель, в конце XIX в. О фронтире, как об особом феномене, впервые заговорил Фредерик Дж. Тернер (1861-1932). По мнению Тернера, фронтир – это внешняя грань волны переселения – линия (полоса земли), где встречаются дикость и цивилизация. /Поэтому Тернер и его предшественники воспринимали фронтир как пространство между новыми поселениями и незаселённой территорией. Таким образом, фронтир для Тернера и его предшественников есть линия между цивилизацией и ее отсутствием (дикой природой, отсюда Дикий Запад – Wild West), что рождает оппозицию цивилизация\дикость [6,28-36], и тем самым подразумевает аксиологический подход.

Когда Тернер разрабатывал свою теорию, он вряд ли подозревал, что его взгляды сыграют такую важную роль в понимании фронта в более широком смысле, не ограниченном только географическими привязками, и выходящем за рамки региональной проблемы американской истории.

Огромная территория Дикого Запада, которая еще недавно считалась фронтиром, к началу XX века оказалась полностью освоенной, и начала играть активную роль в экономической и социокультурной жизни Соединенных Штатов. Но, не смотря на то, что для Тернера фронтир – это уже прошлое, для многих ученых XX века фронтир оказался не только прошлым, но и настоящим и даже будущим. Подобные события можно было наблюдать и на других территориях земного шара. История показала, что в подобных условиях оказывались в разные моменты своего существования страны Латинской Америки, Индия, Афганистан, Китай и даже Россия. Даже

принимая во внимание целый ряд региональных различий, нельзя не заметить, культурные диалоги на фронтах имели и много общего: это и освоение новых экологических зон, и возникновение новых отраслей производства, сфер деятельности, рождение новых языков, появление новых этнических групп.

Значимость этого термина и самого феномена так заворожала многих ученых самых разнообразных отраслей науки, что они начали использовать как сам термин, так и некоторые выводы Тернера, не только в исторической науке, но и вообще гуманитарных отраслях. Постепенно он стал активно заимствоваться и в естественных науках, биологии, химии, медицине и т.д.

В 80-е годы произошли значительные изменения в западной науке, родились теории, которые позволили взглянуть на феномен фронта с новых точек зрения. В значительной степени эти подходы сложились под влиянием постмодернистских научных парадигм, требовавших отказаться от однополярного взгляда на исторические и культурные процессы. Все это привело к появлению новых методологических подходов: феминистской и даже постфеминистской теорий, постколониальной теории, теории меньшинств, теории культурных контактов и т.д.. Все перечисленные теории пытались построить многополярные научные парадигмы, где бы исследование и изучение осуществлялось с позиции пересмотра субъектно-объектных отношений. В этом плане особенно показателна постколониальная теория [9,27]. Во многом она возникла под влиянием теории деконструкции [4], нашедшей свое отражение в трудах постмодернистов. Не следует забывать, что многие из сторонников этой теории родились на территории бывших колониальных стран. Это давало им возможность находиться посередине и оценивать процесс колонизации сразу с двух сторон. Такими были Ф. Фанон, Э. Саид, Г. Спивак, Х. Бхабха и др. Само собой, что они не могли игнорировать тот факт, что истории их народов написаны лишь с точки зрения западных авторов, тогда как, по их мнению, европейский взгляд на эти события пропитан идеями европоцентризма и европейского превосходства [7,17].

Учитывая все разнообразие акторов фронтальной территории – и местного населения, и переселенцев, представителей самых разнообразных конфессии и этносов, можно говорить о поликультурности, многополярности и гетерогенности подобных мест. Это множество элементов создает ситуацию многослойности, которую Ж. Делез называл «ассамбляж». Различные сегменты его переплетаются, соперничают и дополняют друг друга. Эта культурная полифония, в конечном итоге, заставляет нас обратиться не менее значимому ученому из другой, нежели Тернер, области гуманитарных наук, М. Фуко. В своей работе «Другие пространства» [2] он пишет, что в каждой культуре, в каждой цивилизации есть реальные места, места с конкретной привязкой к пространству, места, формирование которых происходит вместе со складыванием самого общества, и которые представляют собой «пространство наоборот», своеобразную воплощенную утопию, в которой все типы пространств, существующие в этом обществе, слиты воедино, но при этом они отражены и перевернуты. Подобные области находятся за пределами всех других, даже если представляется возможным определить их реальную географическую привязку. И поскольку они кардинально отличаются от всех остальных типов пространств, М. Фуко называет их, по аналогии с «утопиями» - «гетеротопиями». Гетеротопии способны смешивать в одну реальность несколько пространств, несколько территорий, которые сами по себе являются несовместимыми.

Даже поверхностное сравнение терминов фронт и гетеротопное пространство позволяет говорить об их близости. Конечно гетеротопное пространство более широкое и разнообразное явление, а фронт лишь частный его случай. Однако, законы, действующие на всех этих пространствах, серьезнейшим образом изменяют восприятие действительности, да и саму действительность, приводя к появлению новых реальностей. Европейское воображение конструировало максимально непохожего Чужого, обитающего на гетеротопных фронтальных территориях, что замечательно иллюстрируют многочисленные графические работы голландского художника Т. де

Бри (1527-1598) и других знаменитых авторов. Везде Чужой с этих территорий предстает нам голым кровожадным дикарем, похожим на изображения какого-нибудь древнего кельтского воина, тело которого покрыта татуировкой, а в руках смертоносное оружие. Показательно, что и дикари, и кельты с картин Т. Де Бри выглядят уж очень похожими.

Однако, можно ли сказать, что попадающий в схожие условия европеец оставался таким же, каким он был дома? Новые правила и порядки гетеротопных пространств требовали его трансформации в человека совершенно иного рода. Выжить здесь могут или исключительные герои или маргиналы, чья суть мало чем отличается от поведения местных «дикарей». Очень часто гетеротопное пространство производит нового гетеротопного человека – человека, который вживается в эту новую для него реальность, становясь Чужим среди своих, и своим среди Чужих.

Фронтир – это то, что находится за пределами. Это линия, за которой мы уже не знаем, что ждет нас. Это жизнь на пределе или за пределом социальных устоев. У него нет «границ», и, поскольку на границе – не равно «за границей», жизнь на фронтире коренным образом отличается от жизни за фронтиром. Это состояние «транс», состояние выхода за предел, за роковую черту культуры в итоге приводит человека к состоянию трансгрессии (другому термину Фуко и близких ему по взглядам постмодернистов.). Если разрабатывая идею гетеротопий, Фуко заявлял сам факт наличия подобных пространств, отличных от «мейнстримных» пространств, то анализируя трансгрессию, он выходил на понимание механизма функционирования законов культуры в нестандартных условиях.

По мнению Фуко, «трансгрессия – это жест, который обращен на предел; там, на тончайшем изломе линии, мелькает отблеск ее прохождения, возможно, также вся тотальность ее траектории, даже сам ее исток. Возможно даже, что та черта, которую она пересекает, образует все ее пространство. Кажется, игра пределов и трансгрессии направляется простым упрямством: то и дело трансгрессия переступает одну и ту же линию, которая, едва оказавшись позади, становится беспамятной волной, вновь отступающей вдаль - до самого горизонта непреодолимого. Но эта игра не просто играет этими элементами; она выводит их в область недостоверности то и дело ломающихся достоверностей, где мысль сразу теряется, пытаясь их схватить». [9,117]

В то же время, он указывает, что «предел и трансгрессия обязаны друг другу плотностью своего бытия: не существует предела, через который абсолютно невозможно переступить; с другой стороны, тщетной будет всякая трансгрессия иллюзорного или призрачного предела»[9,117]. Иными словами, фронтир, как предел, и трансгрессия – как черта поведения взаимосвязаны и взаимозависимы. Как ни странно, о схожем явлении в поведении переселенцев в свое время упоминал даже сам Тернер, отмечая, что дикая местность подчиняет себе колониста, «он приходит туда европейцем – по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизационную одежду и облачает в охотничью шкуру и мокасины»[8,15].

Однако, как мы уже сказали, Фуко не был единственным, кто использовал этот термин. Его можно встретить в работах М. Бланшо, Ж. Дерриды, Ж. Батая, П. Клоссовски и др. Многие из них рассматривали трансгрессию с позиций религиозности и сексуальности.

Статья П. Клоссовски «Сад и Революция»[5] посвящена маркизу де Саду, его отношению к якобинской революции и влиянию на культуру вообще. По мнению автора, де Сад – знаковая фигура своего времени, совершившая трансгрессию. Однако сексуальная трансгрессия его направлена на «разоблачения темных сил, закамуфлированных под социальные ценности с помощью механизмов коллективной защиты; замаскированные таким образом, эти темные силы могут вести в пустоте свой inferнальный хоровод»[5,46]. Иными словами, замкнутая на сексуальности трансгрессия Сада направлена на преодоление социальных телесных запретов. Он борется

не за сексуальную перверсию, а за возможность вообще открыто говорить о сексуальности и телесности.

Конечно, на первый взгляд размышления М. Бланшо, П. Клоссовски и самого де Сада далеки от фронта. Однако, как писал еще Фуко, «сексуальности мы дали не свободу; мы подвели ее к пределу: к пределу нашего сознания, поскольку это она, в конце концов, диктует нашему сознанию единственно возможное прочтение нашего бессознательного; к пределу закона, поскольку это она оказывается единственной абсолютно универсальной сферой запрета; к пределу нашего языка: она очерчивает ту смутную линию на прибрежном песке безмолвия, за которой покоится невыразимая тишина». Жизнь человека, так или иначе, крутится вокруг сексуальности, и само собой, что она не возможна без телесности, а последняя не возможна без сексуальности. Это взаимосвязанные аспекты человеческого бытия, и здесь не следует забывать, что де Сад жил в особую «гетеротопную» эпоху складывания нового понимания европейской телесности, преодоления христианской парадигмы «греховного сосуда» и превращение тела в своеобразную «машину желаний».

Фуко не раз отмечал связь трансгрессии и «предела». По его мнению, эти два явления обязаны друг другу своим существованием, «плотностью своего бытия». А что такое фронт как не аналогичный предел? Жизнь на фронтире неразрывно связана с трансгрессией, сексуальной в том числе. Пит Сигал в своей книге «Цветок и Скорпион» упоминает случай, произошедший в 1589 году в Мексике. Католической священник Бартоломэ Лопес попытался соблазнить местную замужнюю женщину. Он даже в конечном итоге отобрал у индейца жену. Спустя шесть лет оскорбленный муж, Мигель Эрнандес, после множества попыток вернуть ее, смог подать жалобу на своего обидчика в местное представительство инквизиции. В составлении прошения ему помог местный нотариус [3,29]. Как говорилось в жалобе, священник принуждал женщину бросить своего мужа, а затем, когда она отказала ему несколько раз, избил ее хлыстом. Автор указывает, что истории посягательств священников на прихожанок-индеанок отнюдь не единична, и архивные свидетельства их многочисленны, даже не смотря на то, что жертвам подобного обращения приходилось искать, ко всему прочему, помощи переводчика, чтобы составить жалобу. Попадающие в гетеротопное пространство фронта колонизаторы сами трансформировались, преступая привычные им социальные нормы и рамки, пытаясь с «варварами» вести себя «по-варварски».

Более мирные примеры трансгрессии описываются в работе к.и.н. Якушенковой О.С. «Женщина на американском фронтире», однако автор называет это явление культурной регрессией, отмечая, что оно является «своеобразным феноменом фронта и межкультурного диалога индейцев и белых»[10,136]. Особо подробно автор рассматривает женские истории, делая вывод, что «женщины оказались много терпимее и более готовыми к культурному диалогу и принятию чуждой им культуры. Даже в случае пленения они часто предпочитали оставаться со своими похитителями, являя нам пример транскультурной регрессии»[10,140].

Этот же автор приводит истории трапперов, как правило, становившимися одними из первых переселенцев на Диком Западе. Они вели весьма специфичный образ жизни, являвшийся отражением традиционного жизненного уклада индейцев. Максимально завися от коренного населения и производимых им товаров, они переняли у индейцев одежду, пищу, способы охоты и знания. Подобная трансгрессия являлась неотъемлемым условием их выживания на этой территории. Типичным примером подобного поведения можно считать образ известного литературного героя – типичного фронтмена – Кожаного Чулка из произведения американского писателя Фенимора Купера.

Мы можем привести огромное количество подобных примеров, потому что везде, где есть люди, так или иначе, складываются гетеротопные пространства, требующие от людей, попадающих сюда, трансгрессивного поведения. Однако, не следует воспринимать это явление с негативной точки зрения, ибо как писал еще Фуко, в

трансгрессии нет ничего отрицательного. Она предоставляет человеку право выбора, то право, в котором, как правило, ему отказано в уже сложившихся обществах с четкой структурой.

Список литературы

1. Castillo, B. D. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España I. Linkgua digital, 2012.
2. Foucault M. Of Other Spaces // Diacritics, 1986, Vol. 16, No. 1, pp. 22-27.
3. Pere Sigal. The Flower and the Scorpion. London, 2011.
4. Sirotinski M. Deconstruction and Postcolonial: At the Limits of Theory. – Liverpool: University Press, 2007.
5. Клоссовски П.. Сад и революция // Маркиз де Сад и XX век. Москва, 1992, с. 25-46.
6. Романова А.П., Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Метафорическое использование образа варвара в общественном дискурсе. // Гуманитарные исследования, 2011.Т. 4. С. 28-36.
7. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006.
8. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009.
9. Фуко М. О трансгрессии// Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб. 1994, с. 111-132.
10. Якушенкова О.С. Женщина на американском фронтире. Астрахань, 2012 г.

References

1. Castillo, B. D. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España I. Linkgua digital, 2012.
2. Foucault M. Of Other Spaces // Diacritics, 1986, Vol. 16, No. 1, pp. 22-27.
3. Pere Sigal. The Flower and the Scorpion. London, 2011.
4. Sirotinski M. Deconstruction and Postcolonial: At the Limits of Theory. - Liverpool: University Press, 2007.
5. Klossowski P. Garden and Revolution // The Marquis de Sade and the twentieth century. Moscow, 1992, с. 25-46.
6. Romanova A.P., Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S. The metaphorical use of the image of the barbarian in the public discourse. // Studies in the Humanities, 2011.Т. 4. S. 28-36.
7. Said E. Orientalism: Western conception of the East. St. Petersburg, 2006.
8. Turner F. Frontier in American History. Moscow, 2009.
9. Foucault, M. On the transgression // Georges Bataille and the French thought the middle of the XX century. St. Petersburg, 1994, с. 111-132.
10. Yakushenkova O.S. Woman on the American frontier. Astrakhan, 2012.

**АНАЛИЗ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОЙ АСТРАХАНИ
(НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВИЯ И КАТОЛИЦИЗМА)¹**

Дрягалов Вячеслав Сергеевич, ведущий специалист

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dc_mail@bk.ru

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, ведущий специалист

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dc_mail@bk.ru

¹ Статья опубликована при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «2012-1.3.1-12-000-3006-004» «Конфессиональная безопасность Прикаспия».